

В.А. БОРИСОВ

ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ?

Начало реформ в Воркуте

БОРИСОВ Вадим Анатольевич - кандидат социологических наук, директор Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО).

Начиная с 1989 года угледобывающие предприятия неизменно боролись за свою независимость от объединений, обретение самостоятельности и превращение в полноценных субъектов экономики с реквизитами юридического лица, счетом в банке и т.п. Переход на аренду, а затем акционирование первых шахт дали очень привлекательные примеры для остальных. Хозяйственная самостоятельность шахт - пионеров приватизации, возможность получения валютной прибыли за счет экспорта угля, продажа угля по бартеру и решение благодаря этому ряда социальных вопросов сформировали в шахтерской среде установку на необходимость приватизации угледобывающих предприятий.

В то же время угольная отрасль в целом оставалась дотируемой. Компания "Рос-уголь," пришедшая на смену Министерству угольной промышленности, продолжала сохранять контроль над шахтами, и, несмотря на либерализацию цен практически на все товары, шахтеры продолжали работать в условиях централизованно регулируемой государственной экономики. Цены на энергоносители по-прежнему жестко контролировались государством. Это вело к тому, что суммы господдержки угольной отрасли стали расти, и "финансовое бремя правительства, выраженное в процентной доле ВВП, увеличилось с 1% в 1991 году и 1,1% в 1992 году до 1,4% в 1993 году"¹.

В условиях, когда большинство населения было охвачено приватизационным энтузиазмом, 1 июля 1992 года вышел Указ Президента РФ, запрещающий приватизацию в ряде отраслей, стратегически важных. Угольная отрасль была одной из них. Вышедший Указ вызвал раздражение среди шахтеров и их первые сомнения в приверженности избранного президента курсу рыночных реформ. В течение полугода шла борьба шахтеров за право приватизировать свои предприятия. Наконец, 30 декабря

1992 года вышел Указ Президента Российской Федерации № 1702 "О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности", в котором принималось решение до 1 марта

1993 года акционировать все угольные предприятия по варианту № 1, в соответствии с которым контрольный пакет акций оставался у государства в лице государственной компании "Росуголь". Несмотря на несогласие многих трудовых коллективов с предлагаемым вариантом, сохраняющим госконтроль над шахтами, они, тем не менее, исходили из того, что приватизация даже по такому варианту экономически выгодней прежних форм зависимости. Как и любой другой указ, указ о приватизации предприятий угледобывающей промышленности не был выполнен в срок. Спустя 3 года после объявленного плана завершения приватизации остается еще ряд шахт в

государственной собственности; в частности объединение "Воркутауголь" до сих пор удерживает позиции государственного предприятия, не желая расставаться с этим статусом.

Однако сам процесс приватизации осложнился изменениями в российской экономике. В июле 1993 года, после резкого скачка цен на железнодорожные перевозки, многие шахты оказались не в состоянии продолжать хозяйственную деятельность без поддержки государства.

Рост железнодорожных тарифов привел к тому, что стоимость угля резко возросла, заявки на него упали. Как следствие этого, уже в сентябре 1993 года Росуглепрофсоюз провел забастовку в связи с задержкой зарплаты. Почти повсеместно добыча угля сразу же стала убыточной, и приватизация в таких условиях стала для трудовых коллективов подобна самоубийству.

Примерно в это же время "Росуглем" и правительством была принята программа закрытия шахт, датируемая 2 июля 1993 года. Уже эта программа предусматривала закрытие 42 шахт. В их состав были включены и 5 воркутинских шахт: Хальмер-Ю, Юр-Шор, Юнь-Яга, Южная и Промышленная.

Крупнейшими потребителями воркутинского угля являются Череповецкий и Новолипецкий металлургические комбинаты. Падение, начиная с 1990 года, объемов выпуска стали не могло не сказаться на спросе на уголь. "Между 1990 и 1992 годом добыча коксующегося угля упала на 46% наряду с падением уровня производства стали"². Таковы данные по России.

Особенность Воркуты в том, что на фоне общего по России спада добычи угля здесь в 1991-1992 гг. наблюдается ее рост (15,239 млн. тонн в 1991, 16,922 - в 1992)³. Это способствовало тому, что люди по-прежнему не верили в реальность безработицы. "Росуголь" регулярно получал дотации, объединения и шахты бились между собой за получение большего куска. Шахтеры вплоть до конца 1993 года выступают на забастовках с требованиями о повышении заработной платы. Последний раз такое повышение было подписано Гайдаром во время забастовки в Воркуте в декабре 1993 года, накануне выборов в Государственную Думу. Все последующие выступления шахтеров касались лишь сроков выдачи зарплаты в связи с ее многомесячными задержками. Воспринимая себя в качестве силы, приведшей к власти российское правительство, шахтеры не верили в то, что "их" российское правительство откажется от помощи угольщикам. Можно говорить о парадоксальной неопределенности позиции шахтеров. Как политическая сила с середины 1993 года они выступают за радикальные рыночные реформы во всех отраслях, за исключением собственной. Здесь же их требования касаются сохранения государственной поддержки всей угольной отрасли. В этом смысле можно говорить о том, что, при всей утрате авторитета и лидерства Независимого профсоюза горняков в угольной отрасли, рыночная позиция лидеров этого профсоюза более последовательна, чем руководства Росуглепрофсоюза.

На мой взгляд, процессы падения объемов добычи угля и спроса на уголь со стороны потребителей протекали параллельно и, до определенного времени, независимо друг от друга. Во всяком случае, на первых порах проведения экономических реформ не наблюдалось, чтобы снижение объемов добычи следовало за падением спроса на уголь⁴. Целостного механизма рыночного регулирования, по-видимому, нет до сих пор. Поэтому можно назвать ряд причин падения объема добычи:

- развал СССР привел к разрушению хозяйственных связей между предприятиями, находящимися в разных республиках;
- следствием этого стал дефицит запчастей для горнодобывающего оборудования, так как заводы-производители остались на территории Украины;
- износ оборудования и отсутствие необходимых деталей привели к увеличению простоев и сроков ремонтных работ по причине участвовавших поломок оборудования;
- процесс гласности сопровождался ослаблением контроля на рабочих местах;

- нехватка наличных денег, задержка зарплаты вели к снижению роли материальных стимулов к труду.

Все эти и множество других причин макро- и микроэкономического характера привели к ухудшению трудовой дисциплины. В комплексе это вело к падению объемов добычи угля.

Аналогичные процессы в отраслях, потребляющих уголь, привели к снижению спроса на него. Механизм рыночной зависимости между спросом и предложением угля включился, возможно, после освобождения железнодорожных тарифов (июль 1993 года), что сразу же сделало уголь дорогим товаром, оплата которого зависит от наличия реальных денег.

Примерно в это же время наметился поворот от государственной политики, выражаемой словами: "Больше угля - Родине!", к рыночному определению объемов добычи, что вело к резкому ограничению потребления угля. В прежние годы "мы добывали в стране 800 млн. тонн угля в год. сейчас - 270 млн., и говорят, что еще много"⁵.

Резкое снижение объемов добычи происходило при сохранении прежней численности занятых в угледобывающей отрасли. Соответственно росла себестоимость угля. В этих условиях Российское правительство в лице Министерства экономики и Министерства финансов взяли курс на снижение численности работающих угольщиков, с тем чтобы привести ее в соответствие с упавшей добычей⁶.

Начиная с середины 1995 года руководство "Росугля" заявляет о том, что в связи с проводимыми сокращениями численности работников наметилась тенденция к росту производительности труда в угольной промышленности.

ОПЫТ "ХАЛЬМЕР-Ю": КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ЗАКРЫТИЕ

В декабре 1993 года принято правительственное решение о закрытии "Хальмер-Ю" и ликвидации шахтерского поселка. Шахта находится на расстоянии 67 км от города. Причиной принятия такого решения стало исчерпание угольных ресурсов. На угольных полях, принадлежащих шахте, остались маломощные пласты, разработку которых признали экономически нецелесообразной. Поскольку это был первый случай закрытия угледобывающего предприятия за последние десятилетия, была принята правительственная программа закрытия шахты, открыто финансирование на проведение всех необходимых мероприятий, включая переселение работников закрываемой шахты и населения поселка Хальмер-Ю в другие регионы страны. На закрытие шахты было предусмотрено 46.931 млрд. руб. (в ценах 1993 года), из них затраты на переселение шахтерских семей в другие регионы составляли 27,355 млрд. руб.⁷

В действительности на закрытие шахты и переселение поселка было израсходовано около 141 млрд. руб. Реализация программы переселения обнаружила неготовность органов управления справиться с поставленными правительством задачами. Несвоевременное финансирование привело к срыву графика переселения и дало возможность для множества махинаций как со стороны администрации, так и со стороны населения.

Как обычно, после большого перерасхода средств на переселение, руководители "Росугля" и объединения "Воркутауголь" более трезво взглянули на проблему закрытия шахт. Несправедливо, что те, кто отработал в Хальмер-Ю 2-3 года, пользуются теми же льготами, что и те, кто отработали 20-30 лет. Надо было подходить к вопросу переселения людей из Хальмер-Ю. основываясь на контрактах (например, тем, кто подписывал контракт на 3 года, государство ничего не должно. Они приезжали на заработки). Таким образом отсеялись бы многие.

Затем надо было запросить о наличии жилья еще до объявления о закрытии шахты. Принять решение не о строительстве жилья в других регионах. Например, Ростовская областная администрация могла заключить акт купли-продажи квартиры с индивидом, а

"Воркутауголь" это бы оплатила. А так "болтается народ неустроенный, может быть подано исковое заявление на оплату им вынужденного простоя по вине администрации предприятия (1 год)"⁸.

Вопрос о переселении молодых работников в Воркуту и их трудоустройстве на местных шахтах вообще не рассматривался, хотя позже эта мысль возникла при анализе проблемы переселения пенсионеров. Предлагался вариант, по которому часть средств, направленных на переселение жителей Хальмер-Ю, могла быть израсходована для переселения пенсионеров из Воркуты и вселения в их квартиры трудоспособных работников из Хальмер-Ю. Действительность оказалась сложнее. По нашим наблюдениям и многочисленным интервью с жителями поселка, представителями поселковой администрации и работниками Воркутинского центра занятости, немало людей, получив квартиры в средней полосе России, тратили выходные пособия на покупку квартир в Воркуте⁹ и становились на учет в Воркутинском центре занятости, получая довольно большие пособия, либо вновь старались устроиться на одну из закрывающихся шахт, надеясь повторить трюк с получением льгот от государства.

По закону, первые 4 месяца после того как человек стал безработным, ему выплачивается 75% от величины последнего заработка. Затем в течение двух месяцев выплачивается по 60% и еще полгода - 45%.

Путаница в законодательстве, связанная с определенной независимостью постановлений правительства Республики Коми от решений правительства Российской Федерации, привела к довольно пикантной ситуации. Выплачивая пособие по безработице, Воркутинский центр занятости 75% от заработной платы насчитывает от зарплаты, которую уже начислили с учетом северного коэффициента. Однако в соответствии с постановлением правительства Республики Коми произошло дублирование, и безработный получает свои 75%, которые еще раз умножаются на 1,6. То есть идет двойное умножение на северный коэффициент. Поэтому люди начали искать для себя совершенно замечательные выходы: в условиях, когда 2-3-месячные задержки заработной платы стали почти нормой, уволившись из одной организации секретарша, у которой зарплата была около 1,5 млн. руб. стала получать пособие по безработице в размере 1,8 млн. руб. В этом случае она получает пособие регулярно, ежемесячно, оно не облагается налогами. Те, кто уже узнал о такой возможности выжить, стали валить густой толпой в службу занятости. Для людей вопрос стоит таким образом: либо работать, по 3-4 месяца не получая зарплаты (а в условиях Воркуты это гораздо сложнее, чем в средней полосе России, так как люди лишены подсобного хозяйства), либо получать превышающее зарплату регулярное пособие, ничего при этом не делая. Задайте этот вопрос себе, и Вы получите правильный ответ.

Два раза проводилось анкетирование; жителей поселка спрашивали, в какой регион они хотели бы выехать. Позже провели повторный опрос, задавали вопрос о конкретных населенных пунктах: "В каком городе Вы хотите жить?" Было названо 62 региона. Всеми возможными и невозможными путями "Росуголь" покупал дома и квартиры для шахтерских семей. И дошло до того, что после приобретения элитного дома в Ейске, где общая площадь двухкомнатных квартир составляла около 80 м² (12 минут ходьбы до моря), люди стали отказываться от "хрущовок" и малометражных квартир, рассчитывая на то, что оставшимся будет предложено жилье лучшего качества. 40 квартир было возвращено объединению "Воркутауголь" в связи с отказом жителей поселка Хальмер-Ю переезжать в них. Объединение распределило их между своими работниками, и тут для Хальмер-Ю наступили "черные" времена - деньги кончились.

Уволившись 8-10 и более месяцев назад продолжали жить в поселке с "чемоданным" настроением, без работы, без всякой возможности хоть чем-нибудь полезным себя занять. У многих вещи стояли упакованные. Люди ожидали переезда, спали, расстелив матрасы поверх ящиков с вещами. Первым уволенным шахта

выплачивала зарплату за 6 месяцев. Но поскольку многие из них не смогли выехать и деньги быстро кончились, то усталые, они возвратились на шахту, требуя от администрации материального пособия. Поэтому администрация пошла на нарушение закона, исходя при этом из житейских соображений: выплачивала сначала в течение 6 месяцев ежемесячное пособие и за день до отъезда вручила еще сумму за 4 месяца.

По графику ликвидации шахты и поселка, утвержденному правительством, последние жители должны были покинуть поселок к началу июня 1995 года. Однако к этому времени в поселке оставалось 230 семей, не получивших жилья. Генеральный директор Объединения "Воркутауголь" предложил жителям Хальмер-Ю переехать на зиму в Воркуту, где заканчивается строительство двух домов, перезимовать, а дальше, мол, мы вас переселим по назначению. На что умудренное прежним опытом население отвечало: "Не-ет, мы в своих бараках прожили по 20 лет, хотя тоже обещали, что построены они на два года". Поэтому народ начинает готовиться к зиме. Жители поселка говорили: "Лучше поставим здесь буржуйки, но в Воркуту отсюда не уедем".

Произошло столкновение интересов экономической целесообразности и интересов населения шахтерского поселка. Переселение людей стоило 23 млрд. руб., а запуск одной только котельной — 46 млрд. Плюс к этому затраты на содержание железной дороги от Воркуты до Хальмер-Ю. В конечном итоге поселок был закрыт 30 октября 1995 года (на полгода позже запланированных сроков). Последних жителей помогали выселить с помощью ОМОНа, приглашенного директором шахты следить за порядком в поселке в последние полгода до его ликвидации.

ШАХТА "ПРОМЫШЛЕННАЯ"

Закрытие шахты "Хальмер-Ю" и переселение поселка численностью 4,5 тыс. человек были единственным опытом цивилизованного закрытия, от которого государство вынуждено было отказаться по причине его дороговизны. По отношению к закрытию угольных предприятий сыграл свою роль закон маятника: от сверхзатрат резкий переход к режиму жесточайшей экономии, ради которой готовы пойти на нарушение "Основных принципов ликвидации неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов угольной промышленности России" - плана мероприятий по закрытию предприятий.

Основными целями социального раздела этого документа являются: обеспечение социальной защиты трудящихся ликвидируемых предприятий, улучшение социальных условий в шахтерских городах и поселках, снижение социальной напряженности в угледобывающих регионах за счет повышения информированности трудящихся.

Однако на практике дела обстоят следующим образом. На примере закрытия шахты "Промышленной" можно видеть, что этот процесс сопровождался рядом нарушений юридического и процедурного характера, ставших типичными и для других ликвидируемых предприятий:

1. Решение о закрытии шахты было принято без технико-экономического обоснования (ТЭО) (ТЭО было утверждено на заседании Межведомственной комиссии 4 июля 1995 г., когда шахта уже прекратила проходку и добычу угля и почти завершила демонтаж оборудования).

2. Отсутствовал утвержденный и согласованный всеми заинтересованными сторонами график закрытия шахты, предусматривающий финансирование и выполнение всего комплекса мероприятий согласно технико-экономическому обоснованию (включая решение социальных вопросов).

3. В течение полугода шахта закрывалась, не имея для этого каких-либо документальных подтверждений:

- отсутствовал приказ о закрытии, так как субъект, отдавший подобный приказ, должен взять на себя определенную ответственность, в том числе финансовую;

- не определен правопреемник закрываемого предприятия.

Руководство объединения "Воркутауголь" постоянно заявляло о своей неспособ-

ности профинансировать закрытие шахты "Промышленная". Поскольку и объединение, и компания "Росуголь" всячески старались избежать финансовой ответственности за закрытие шахты, процесс стал стихийным и превратился в самозакрытие, спровоцированное объединением "Воркутауголь" и компанией "Росуголь".

В условиях сокращения дотаций для угольной промышленности "Росуголь" в одностороннем порядке принимает решение о закрытии той или иной шахты, руководствуясь соображениями "экономической целесообразности" - дешевле закрыть и выплачивать всем полную зарплату, чем продолжать добычу с постепенным снижением. Однако при расчетах "Росуголь" зачастую руководствуется чисто техническими соображениями и не принимает во внимание социальные аспекты закрытия.

Уже само решение о закрытии шахты без принятия соответствующего правительственного постановления и приказа о закрытии способствовало нагнетанию обстановки на закрываемых шахтах, появлению многочисленных, зачастую абсурдных слухов и негативному восприятию работниками закрываемых шахт любых, в том числе продуманных и грамотных решений руководства "Росугля", объединения "Воркутауголь" и шахты.

Решение управленцев угольной промышленности о закрытии "Промышленной" не учитывало различные типы поведения людей в экстремальных ситуациях, к которым относится и закрытие предприятия в условиях финансовых ограничений. Можно выделить несколько категорий работников с соответствующими им типами поведения.

Часть людей уволилась по собственному желанию, как только услышала о закрытии шахты. Это, как правило, молодежь и наиболее активные работники, те, кто недолго проработал на "Промышленной" и не успел связать с ней свою судьбу.

Часть работников, в нарушение юридических норм, уволена с формулировкой "уволен в связи с предполагаемым закрытием шахты". Угольщики усматривают в этом произвол администрации объединения "Воркутауголь" и дальнейшее наступление на права работников. По их мнению, "так можно с любой шахты уволить, а она, может быть, еще через сто лет закроется". Поскольку приказа о закрытии предприятия не было, и судьба работников оставалась неопределенной, оставалась возможность их обращения в суд с требованием возмещения вынужденного простоя в работе по вине администрации, покрытия морального ущерба.

Часть людей переведены на другие шахты. Например, проходческий участок был полностью переведен на шахту "Комсомольскую"- Однако после пожара на "Комсомольской" возник избыток рабочей силы; из 250 человек, работающих на одном из участков, после пожара нужны лишь 150. Ясно, что в число "лишних" попадают в первую очередь работники с "Промышленной".

Таким образом, своими действиями администрация предприятия и объединения, вместо того чтобы локализовать очаг возмущения, делает все для того, чтобы "заразить вирусом революционности" все угольные предприятия, направляя туда людей, продолжающих числиться на "Промышленной", но не получивших от предприятия полагающихся им социальных компенсаций и материальных выплат.

Подтверждением непродуманности действий объединения и руководства шахты является забастовка на "Промышленной", начавшаяся 25 сентября 1995 года. 41 человек спустились под землю и объявили о забастовке в первую смену, позже их поддержало 37 человек. К концу дня забастовщики насчитывали 78 человек. Первыми, кто поддержал "Промышленную", были шахтеры "Юр-Шора", второй из четырех шахт Воркуты, намеченных к закрытию. Это не случайно, так как на "Юр-Шор" было переведено много шахтеров с "Промышленной".

Обычно остаются на шахте и активно противостоят увольнению и переводу на другие предприятия пенсионеры и работники предпенсионного возраста. Это категория работников, которым, в силу их жизненного опыта, проще и привычнее бороться за сохранение своего статуса, чем переходить на другие предприятия, переучиваться и т.п.

Работники, получающие регрессные выплаты в связи с потерей трудоспособности,

чувствуя утрату дальнейшей материальной поддержки в виде регрессных выплат в случае закрытия предприятия, также остаются на шахте до конца и тем самым тормозят проведение программы санации угольной отрасли. Их основным требованием является определение правопреемника предприятия. Акционирование их предприятий уже привело к тому, что все чаще они слышат о том, что государство не несет ответственности за судьбы шахт. Но шахтеры помнят, что акционирование было проведено по Указу Президента Российской Федерации, подкрепленному соответствующими решениями "Росугля", и не принимало во внимание мнение трудовых коллективов. Иными словами, акционирование воспринимается населением как процесс, навязанный и проводимый под давлением "сверху".

27 декабря 1995 года, через два дня после начала забастовки на "Промышленной" и переговоров воркутинской делегации в столичных кабинетах, было подписано правительственное постановление о закрытии шахты "Промышленной". Тем не менее решение "Росугля" о быстром закрытии нерентабельных шахт уже привело к ухудшению социально-политической обстановки в регионе. Нехватка средств для угольной промышленности заставляет "Росуголь" проводить политику "латания дыр" и платить тем, кто сильнее давит и "громче кричит". Отсутствие социальных гарантий породило в шахтерской среде антиправительственные настроения и решительное противодействие самой идее проведения реструктуризации угольной отрасли. Социальные потери по причине стихийного закрытия угледобывающих предприятий значительно превышают всю ожидаемую экономию финансовых средств, которой стремилось достичь руководство угольной промышленности, делая упор на проведении технических мероприятий по закрытию.

ШАХТА «ЮНЬ-ЯГА»

Шахта "Юнь-Яга" - одна из самых старейших в Воркуте, была открыта в 1965 году. Шахта строилась под Череповецкий металлургический комбинат, для производства легированной стали. Главный критерий, по которому было решено закрыть шахту, -нерентабельность добычи. Запасы угля большие, но пласты очень тонкие, и их невыгодно отрабатывать.

В июне 1993 года было объявлено о предстоящем закрытии шахты, и произошло первое в Воркуте массовое сокращение (в мягкой форме). Так как план в течение весны — начала лета шахта не давала, зарплата была низкая. Те, кто хотел заработать, ушли на другие шахты, и как-то незаметно это большое число ушедших "растворилось" на других шахтах, тем более, что на них была потребность в рабочей силе. Всего с июня по декабрь 1993 года ушло около 600 человек.

На апрель 1994 года из работавших раньше 1 800 человек на шахте осталось 1 158. Однако, несмотря на такое существенное сокращение, шахта увеличила добычу угля. В 1993 году было добыто 277 545 тонн. На 1994 год шахте спущен план на добычу 500 тыс. тонн угля. С первого квартала 1994 года добыча угля увеличилась по сравнению с аналогичным периодом 1993 года. Причиной неожиданного подъема оказался переход на разработку более мощных пластов.

По словам главного инженера, с тех пор, как получено указание о сокращении, новых людей принимают на шахту только временно (например, тех, кто работал до армии и живет в поселке). В то же время наблюдения показывают, что ограничения в приеме на работу никак не влияют на практику трудоустройства родственников или знакомых¹⁰.

Позиция профсоюза (Росуглепроф). Председатель профкома Росуглепроф-союза шахты Геннадий Почув (1958 года рождения, на шахте работает 18 лет):

«Большинство работающих в настоящее время на шахте - из поселка. Поселок шахтерский, в нем магазин, школа, больница, Дом культуры. До последнего времени все эти объекты содержал профком. В настоящее время магазин приватизировали.

Остальные объекты профком передал на содержание шахты, но средств не хватает. Поэтому все - под угрозой закрытия. Это приведет к росту числа безработных и к обострению ситуации на рынке труда. У городских властей не хватает средств на содержание объектов соцкультбыта, и они предлагают руководству шахты долевое участие». По мнению Геннадия, пенсионеры являются балластом для шахты и практически не дают ей «выплыть», особенно в связи с предстоящими сокращениями.

Профком выступает за то, чтобы пенсионерам предоставлялось жилье за пределами региона. Пенсионеры говорят: дай жилье и никто здесь не останется. Однако выполнение этого требования вряд ли осуществимо.

Профком согласился с решением администрации шахты о прекращении приема новых рабочих. Кроме того, он принял отдельное решение о том, чтобы администрация шахты не принимала никого из районов Украины. В связи с ухудшением положения на Украине, шахтеры оттуда приезжают бригадами на заработки и сбивают уровень оплаты труда местного населения.

Позиция шахтеров. Точной информацией о том, какая судьба ожидает шахту «Юнь-Яга», работники шахты не располагают. Большинство горняков намерены трудиться в шахте до конца. Люди по 15-20 лет проработали и никуда не собираются уходить, если только им не предложат жилье в южных районах России. Что же касается трудоустройства на других шахтах, то все были единодушны в том, что после стольких лет работы на шахте им просто не пройти медицинскую комиссию.

Интересно отметить, что сами шахтеры не восприняли сокращение численности шахты на 600 человек как массовое сокращение, или как некое организованное администрацией мероприятие, являющееся частью более широкой программы, направленной на закрытие предприятия. Для горняков это были не массовые увольнения работников под давлением администрации, а естественный уход людей в поисках новой, выше оплачиваемой работы. Поскольку все ушедшие быстро трудоустроились (как правило, уже имелись договоренности на других шахтах), оставшиеся на «Юнь-Яге» восприняли это как решение ими своих финансовых проблем. Причем решение успешное, поскольку всем им были выплачены выходные пособия (в размере двухмесячной зарплаты) в связи с увольнением по сокращению штатов.

Позиция ИТР и служащих АБК. Уровень их информированности о перспективах шахты мало чем отличается от уровня горнорабочих. В то же время помимо газетной информации они располагают новостями, поступающими из объединения «Воркута-уголь», с представителями которого постоянно контактируют по работе. В отличие от рабочих, в случае закрытия шахты, у ИТР и служащих мало шансов найти себе аналогичную работу на других шахтах. Штат конторских служащих полностью укомплектован. Несмотря на пренебрежительное отношение шахтеров к «конторе», своих жен и дочерей они стараются пристроить в административно-бытовой комплекс (АБК) на «чистую» работу.

Позиция администрации и главных специалистов. Людмила Шведова (начальник ОТиЗ, работает на шахте с 1958 года) считает, что «из "Юнь-Яги" можно сделать "нормальную" шахту. Для этого нужно оставить 500-600 человек. Нужно всех уволить и принять снова лишь необходимых людей. Но пока будет профсоюз на шахте, 600 человек сделать невозможно. Из 1 158 человек - 380 пенсионеров. То есть практически выходим на требуемую цифру...» Такую же позицию занимает главный инженер шахты Александр Сокол.

Выражая точку зрения администрации, они стараются уберечь шахту от закрытия и видят выход в массовом сокращении рабочих, которое в первую очередь коснется пенсионеров. В то же время они понимают, что механизм сокращения и закрытия уже запущен, и говорят о своих планах как о желаниях, реализовать которые вряд ли удастся.

Позиции «Росугля» и «Воркутаугля». Администрация шахты настроена на сохранение предприятия, так как это основа ее доходов и положения в обществе. Вообще можно сказать, что директора шахт против их закрытия. Рядовые работники, как правило, соглашаются с закрытием при условии, что им будет гарантировано переселение из Воркуты в другой регион страны. «Росуголь» и объединение «Воркутауголь» умело используют эти настроения работников для укрепления своего контроля над директорами шахт. Обращаясь через головы директоров непосредственно к шахтерам, руководители отрасли оказывают соответствующее давление на директоров через трудовые коллективы их предприятий. Различное восприятие закрытия «Хальмер-Ю» представителями объединения и рядовыми работниками также укрепляет позицию объединения и «Росугля». В то время как объединение и «Росуголь» оценивают вариант закрытия «Хальмер-Ю» как ошибочный и разорительный для государства, шахтеры воспринимают его в качестве образца, которому, как они предполагают, будет и дальше следовать руководство отраслью и объединения. Специфика Воркуты играет здесь решающую роль.

Решением Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК) от 23 марта 1995 года шахта «Юнь-Яга» была утверждена в списке на закрытие, и 4 июля 1995 года на очередном заседании МВК было принято технико-экономическое обоснование, подтверждающее экономическую нецелесообразность эксплуатации шахты.

Несмотря на начавшиеся сокращения, на шахте по-прежнему существует нечто подобное штатному расписанию. В соответствии с нормами имеются плановые цифры необходимого количества работников на том или ином участке. Так, по плану, для нормальной работы на шахте должно работать 1 255 человек (в действительности работает 1 180), из них 1 075 рабочих (фактически - 1 015) и 180 ИТР (165). Таким образом, даже на шахтах, подлежащих закрытию, сохраняются вакансии и существует потребность в рабочей силе. Более того, потребность в рабочей силе даже возрастает, так как квалифицированные рабочие и специалисты, не дожидаясь закрытия, уходят на другие рабочие места. Поэтому парадокс состоит в том, что нередко наибольшая нехватка кадров наблюдается на закрывающихся предприятиях, и нет специалистов, которые могли бы грамотно осуществить ликвидацию угледобывающего предприятия.

БЕЗРАБОТИЦА КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Из 5 шахт Воркуты, о закрытии которых постоянно твердят с 1993 года, реально закрыта лишь «Хальмер-Ю»; принято правительственное постановление о закрытии «Промышленной». Из 11 оставшихся 10 входят в объединение «Воркутауголь» и одна, «Воргашорская», в свое время шахта № 2 по объемам добычи угля в бывшем СССР, не входит в объединение.

В этих случаях последние два года, когда идет разговор о сокращении на шахтах, в Воркуте в основном все проблемы ставятся именно по поводу безработицы среди шахтеров как основной угрозы. В то же время службы занятости показывают, что угольное объединение, несмотря на то, что угледобывающие предприятия регулярно выплачивают 2% от фонда заработной платы в фонд занятости для того чтобы обеспечивать обслуживание шахтеров и давать им работу, продолжает своими силами трудоустраивать высвобождаемых работников на другие предприятия. Все трудоустройство осуществляется по неформальным каналам и через движение между шахтами внутри объединения. Образно говоря, ни один шахтер не трудоустроился через службу занятости¹².

Поскольку в 1994 году трудовые коллективы всех шахт приняли решение о возврате в объединение, они теряют юридическое лицо, и единственным субъектом остается объединение «Воркутауголь». В этом смысле роль службы занятости в плане

перераспределения рабочей силы между шахтами в городе совершенно сводится к нулю. Объединение все берет на себя.

В 1994 году, примерно в начале мая, ожидалось массовое сокращение шахтеров по всем предприятиям, и служба занятости прогнозировала, что к концу августа будет освобождено 3 тыс. шахтеров из 22 тыс. работающих на шахтах. Такого количества вакансий в службе занятости не было, и все с ужасом ожидали негативных социальных последствий.

Однако на самом деле ничего не произошло. В ноябре и декабре 1994 года представители службы занятости сообщили, что те цифры по безработным, которые они рассчитывали на конец года, подтверждаются (около 7 тыс. человек). Но они предполагали, что в основном это будут шахтеры. На самом деле рост числа безработных произошел за счет других категорий трудящихся.

По рекомендации Всемирного банка, Воркута была объявлена зоной стабилизации. Это означает, что никакого нового строительства там вестись не будет. Завод крупнопанельного домостроения, уже построенный на 80%, был брошен. Строительство все прекращено. В настоящее время в городе продолжается лишь строительство тех жилых домов, которое было начато два-три года назад, до принятия всех «судьбоносных» решений. Поэтому таких вакансий, на которые, как предполагалось, будут готовить уволенных шахтеров, то есть строители, монтажники и т.п., не оказалось. Более того, появились проблемы с трудоустройством строителей.

Все рассуждения о проблемах занятости в угледобывающих регионах, готовящиеся программы трудоустройства основной упор делают на смягчении последствий закрытия шахт и массовых сокращений именно для шахтеров. В то же время наши наблюдения показывают, что работники социальной сферы, предприятий и подразделений, обслуживающих угледобычу, не попадают в сферу действия правительственных программ, хотя их положение зачастую гораздо хуже, чем у шахтеров. Примером, подтверждающим сказанное, может служить производственное объединение «Печоршахтострой» (ПШС) в Воркуте. Помимо шахтового строительства ПШС занимался строительством производственных комплексов и жилых домов. После прекращения всех видов строительства в Воркуте, которая стала «зоной стабилизации», и планирующегося закрытия 4 из 12 шахт Воркуты объединение «Печоршахтострой» осталось практически без средств к существованию.

Состояние уровня безработицы в городе характеризует то, что на июль 1995 года на учете в Воркутинском центре занятости состояло около 4 тыс. человек, т.е. примерно 2% от населения города, в основном женщины (71% от общего числа зарегистрированных безработных). Проблемы с трудоустройством женщин в Воркуте были всегда. Сейчас они еще более обострились. В городе существует швейная фабрика, сфера бытового обслуживания сократилась с 3,5 тыс. до 1 200 человек, из которых большинство - женщины. Торговля, в которой также большинство занятых - женщины, сократилась на 2 000 человек. Во всех списках сокращаемых женщин - около 70%¹³.

Вопросы трудовой мобильности, увольнений и трудоустройства оказываются настолько сложными, внутренне запутанными, что толком понять, что происходит на самом деле, используя количественные методы, совершенно невозможно. Здесь идет развитие процессов по своей внутренней логике, которую трудно ухватить с помощью анкет и стандартных вопросов. Нестандартные ситуации требуют соответствующих методов исследования.

Можно отметить следующие нестандартные модели поведения работников угольных предприятий. Во-первых, на уровень занятости влияют сезонные колебания: люди увольняются в начале лета и возвращаются на шахту в сентябре-октябре¹⁴. Люди могут также увольняться с основного места работы, чтобы «сколымить» немного денег в течение лета. Это сезонная мобильность. Во-вторых, мобильность напрямую связана со сроком задержки заработной платы. Когда такие задержки достигают 3—4 месяцев, работники зачастую прибегают к тому, что пишут заявления

об увольнении по собственному желанию. В соответствии с законом, им обязаны выплатить и выходное пособие, и заработную плату, и отпускные в первую очередь. Они получают эти деньги и буквально на следующий день вновь пишут заявление о приеме на работу на то же самое предприятие. В других случаях мобильность осуществляется в иной форме. При задержке заработной платы на 2-3 месяца на одном предприятии шахтеры зачастую предпочитают рассчитаться здесь, получить деньги и уйти на другие предприятия, где выплачиваются деньги вовремя. Если же на их родном предприятии ситуация улучшается, многие предпочитают возвратиться, чтобы работать ближе к дому. В условиях нестабильности работы предприятий такая **ситуативная мобильность** становится довольно широко распространенной.

Проблем с трудоустройством в Воркуте, таких, как их привыкли рисовать в черных тонах средства массовой информации, пока нет. Для шахтеров их просто не существует. Несмотря на то, что все предприятия заявляют о сокращении рабочей силы, от всех директоров требуют план сокращения рабочей силы, ведется прямой шантаж: если вы не дадите нам план по сокращению, мы вам просто не даем никаких денег по Отраслевому тарифному соглашению (ОТС). В план это заносится, но получается так, что существует прежнее штатное расписание и фактически примерно на 10% ниже плана, то есть некомплект кадров на всех предприятиях. В настоящее время, если говорить об объединении «Воркутауголь», на 11 шахтах количество вакансий достигает 2,5 тыс. человек. Причем это работники самых разных категорий, начиная от ГРОЗов и мастеров; нужны начальники участков, на некоторых шахтах - даже главные инженеры. Поскольку Воркута - город приезжих, то, видимо, все неформальные каналы для набора на эти должности уже были использованы шахтовой администрацией. Заявки о вакансиях на шахтах я видел в городском центре занятости, а это место, куда администрация предприятий обычно обращается в последнюю очередь. Две трети опрошенных безработных - 67% - ищут работу самостоятельно, причем больше половины из них ни к каким другим способам поиска работы не прибегает. 39% прибегают к помощи родственников и знакомых, 22% - к услугам службы занятости, 8% ответили, что пользуются информацией о рабочих местах из местных газет, телепрограмм и радиопередач (отчет ИСИТО. Воркута, 1995).

Примерно с 1992 года начался мощный отток населения, отрицательная миграция примерно 5 тыс. человек в год, что смягчает проблемы службы занятости.

Для дирекции эти сокращения представляют собой фильтрацию: можно оставить на предприятиях лучших работников - более квалифицированных и послушных. Будущее попавших под сокращение ее не волнует. Люди, намеченные к «высвобождению» (бюрократическая находка, позволяющая избегать термина «увольнение»), являются чем-то вроде отработанной породы для объединения, но в то же время, будучи уволенными, они останутся жить в городе и будут создавать проблемы для местной службы занятости, не готовой в действительности что-то сделать для безработных, кроме постановки их на учет и выплаты пособий.

Особую проблему может составить проблема трудоустройства ИТР. прежде всего в случае закрытия шахт. Будут проблемы прежде всего для неквалифицированных работников административно-бытовых комбинатов, или «контор», как их называют шахтеры. Что касается специалистов, они требуются на всех шахтах и, поскольку Воркута - город приезжих, то все люди, которые имеют возможность через государство, через объединение получить квартиру и уехать, уезжают. Постоянный отток определяет ситуацию таким образом, что в январе 1995 года на учете в службе занятости состояло около 7 тыс. человек, в июле 1995 года - около 4 тыс. Это в основном низкоквалифицированные работники, не имеющие прямого отношения к угольной промышленности. Геологоразведка ликвидирована, практически на всех заводах идет сокращение. Произошло массовое сокращение и на швейной фабрике. Примерно 30% безработных - мужчины, происходит увеличение численности низкоквалифицированных безработных при одновременном нарастании потребности объеди-

нения «Воркутауголь» в высококвалифицированной рабочей силе. Налицо **структурная безработица**. В данном случае служба занятости не может ничего сделать, поскольку никакой тренинг, никакая переквалификация не может обучить человека, пришедшего с улицы, выполнять работу, например, ГРОЗа 5-го разряда.

Складывается интересная картина. При увеличении численности безработных за счет низкоквалифицированных работников все руководители объединения, шахт говорят уже о необходимости привлечения высококвалифицированных специалистов с Большой Земли. Причем это проблема не только Воркуты, но и других угольных регионов России. Поскольку подготовка кадров дело очень дорогое, идет активное переманивание квалифицированных рабочих и специалистов с одной шахты на другую. Отмечается изменение в трудовых отношениях в свете закрепления высококвалифицированной рабочей силы. В некоторых угольных объединениях появляются специальные работники, которые занимаются перераспределением рабочей силы с закрывающегося предприятия на остающиеся.

Положение со специалистами настолько сложно, что в случае ухода пенсионеров, которые продолжают работать в объединении и на шахтах, все объединение может оказаться у разбитого корыта. Готовящееся закрытие 4 из 11 шахт, оставшихся в объединении, может поставить очень жесткие проблемы перед Воркутой. Ситуация осложняется тем, что тех денег, которые перечисляются в фонд занятости, уже не хватает.

Нужно учесть такую особенность Воркуты, которая облегчает некоторые процессы реструктуризации. Это высокий уровень мобильности населения. Можно сказать, что поскольку весь город «приезжий», то психология временщика по большому счету определяла все установки этих людей. Они приезжали за заработками, поэтому важно, что сейчас, в отличие от Кузбасса или Восточного Донбасса, никто не настаивает на том, чтобы это предприятие, эта шахта сохранялась. Постановка вопроса такая: дайте нам квартиру где-нибудь в средней полосе России и «гори оно все синим пламенем» вместе с объединением.

Так как готовится закрытие шахт, перед объединением встает очень серьезная проблема. По большому счету теоретически возможно решение проблемы занятости шахтеров даже в том случае, если люди с закрывающихся шахт будут сокращены. Сделать это можно за счет переселения всех пенсионеров из Воркуты. Однако все осложняется неразберихой в российском законодательстве. Пока пенсионеры продолжают жить в Воркуте, они получают свои северные пенсии. После того, как они уезжают из Воркуты, все их северные коэффициенты теряются. Поэтому многие не желают уезжать, так как боятся оказаться в нищете. Даже те, у кого есть квартиры у Черного моря, купленные еще в 80-е годы, продолжают работать в Воркуте.

Этот вопрос уже решен на правительственном уровне. Однако, как обычно, информация не доведена до тех, кого она прежде всего касается. Люди остаются в неведении и ведут себя в соответствии со старыми нормами.

В течение 1994 года мысль о закрытии шахт и увольнении рабочих постепенно трансформировалась из слабовероятной в нечто реальное и закрепились в сознании горняков. В то же время это до сих пор воспринимается большинством как не реальная, а лишь потенциальная угроза, которая касается в основном пьяниц и нарушителей дисциплины.

Несмотря на планируемое закрытие шахт и сокращение рабочих мест, около половины работающих воркутинцев - 53% - не боятся потерять работу в течение ближайшего года. Еще 12% затруднились ответить на этот вопрос. 35% ожидают, что могут в ближайшее время лишиться рабочего места. При этом наименее уверенно чувствуют себя именно шахтеры: 46% из них ответили, что могут потерять работу в течение года. Примерно также оценивают свои шансы работники объединения «Воркутауголь», не занятые непосредственно на шахте. Что касается работников бюджетной сферы, то они оказались настроены гораздо более оптимистично - лишь 20% из них считают, что могут потерять работу в течение ближайшего года. Стоит

еще отметить, что шахтеры, по сравнению с другими категориями населения, имеют наиболее ясные представления о своих перспективах - только 1% из них затруднились ответить на этот вопрос, в то время как у всех остальных групп населения процент людей, которые не знали ответа на этот вопрос, колеблется между 11 и 18. Таким образом, среди шахтеров существует как бы две группы - те, которые считают, что могут потерять работу в ближайшее время (они, видимо, работают на шахтах, намеченных на закрытие), и те, кто уверен в своем будущем (они, скорее всего, работают на перспективных шахтах). Соответственно, их профессиональные перспективы принципиально различны. (Опрос проводился в сентябре 1995 года в Воркуте. Форма проведения опроса - квартирный опрос, N = 400.)

Однако когда вопрос был поставлен в более общей форме: «Коснется ли Вас и Вашей семьи закрытие шахт, находящихся в городе?», то на него ответили «да» не только подавляющее большинство шахтеров и работников объединения «Воркутауголь», но и значительное большинство бюджетников, а также остального работающего населения Воркуты. Таким образом, вопрос о шахтах - ключевой в жизни всего города.

С 1993 года начался наплыв украинцев, в основном из Донбасса, Харькова, Луганска. В связи с этим руководством Коми был принят Указ «О порядке использования иностранной рабочей силы», направленный на ограничение количества приезжающих. Вопрос обсуждался на заседании Малого Совета Воркуты. Было принято решение об ограничении прописки в Воркуте, поскольку пошли жалобы от населения, что не могут трудоустроиться на предприятия, так как их руководство начало использовать вахтовый метод - люди с Украины приезжают на заработки на один месяц. Они согласны работать за меньшую зарплату, по сравнению с местным населением. Это выгодно для администрации предприятий, так как дешевле, не требуется регистрации в УВД и прописки, а также регистрации в Центре занятости. Позже постановление Малого Совета было отменено решением городского суда, как нарушающее право граждан на свободное передвижение.

Несмотря на отмену решения горадминистрации, предпринимаются меры, направленные на ограничение численности приезжающих в Воркуту. На угольных предприятиях регулирование численности работников на шахтах осуществляет объединение. На сегодня очень непросто трудоустроиться на угольном предприятии «человеку с улицы», мобильность горняков в основном представляет собой перетекание рабочей силы с одних шахт на другие в рамках одного объединения.

После того, как разошлись слухи о принятии в июле 1993 года правительственной программы реструктуризации угольной промышленности, включающей закрытие 42 наиболее убыточных шахт, в Воркуте заговорили о возможности ликвидации 5 местных шахт. Однако вопрос ставился более широко: «Быть или не быть Воркуте?» После того, как в связи с проведением реформ в угольной отрасли Воркута была объявлена «зоной стабилизации», прекратилось строительство новых объектов, и руководителями различных предприятий была взята установка на свертывание производства. По словам шахтеров, «наступил полный стаблизец». После возвращения в 1995 г. всех шахт Воркуты (за исключением «Воргашорской») в объединение «Воркутауголь» давление на Москву со стороны Воркуты возросло. Региональные интересы отодвинули на задний план все остальные противоречия между руководством предприятий и профсоюзами, они выступили единым фронтом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российская Федерация. Перестройка угольной промышленности: люди - превыше всего // Документ Всемирного банка. Т. 1. С. 9.

² Hare P. Vorkuta - a Town in the Far North. 1994. P. 2.

³ Однако уже в следующем году произошел резкий спад объемов добычи: до 10,917 млн. тонн в 1993 году, 9,809 млн. тонн - в 1994 году, 9,980 млн. тонн - в 1995 году // Данные объединения «Воркутауголь».

⁴ В связи с тем, что уголь продолжают отгружать без предоплаты, зачастую предприятиям-банкротам, это ведет к углублению кризиса неплатежей.

⁵ Выступление генерального директора объединения «Воркутауголь» Ю. Лобеса на встрече с бастующими рабочими шахты «Южная» (апрель 1994 года).

⁶ «Росуголь» требует от шахт и объединении проведения политики сокращения. По словам директоров угольных предприятий, нередко выделение средств господдержки увязывается вышестоящими отраслевыми структурами с предоставлением им планов сокращения рабочей силы на предприятиях.

⁷ Vorkuta - a Town in the Far North. P. 25.

⁸ Из беседы с В.Т. Ляхом, начальником управления социальных инфраструктур компании «Росуголь» (Воркута, 22 марта 1995 года).

⁹ Однокомнатную квартиру в 1995 году можно было купить за 7-15 млн. руб. в зависимости от состояния жилья и района. Если учесть, что благодаря выслуге лет средний шахтер получил на руки от 25 до 50 млн. руб., то приобретение квартиры в Воркуте не было для них проблемой.

¹⁰ В момент моего посещения отдела кадров туда зашел мужчина явно ИТРовского вида и, кивая на идущую следом молоденькую девушку, сказал начальнице отдела кадров: «Оформи ее штукатуром». Позже выяснилось, что она дочь одной из работниц шахты.

¹¹ Интервью с председателем профкома ПРУП шахты «Юнь-Яга» Геннадием Почуевым (13 апреля 1994 года).

¹² В 1996 году ситуация на Воркутинском рынке труда изменилась. Так, по состоянию на 1 апреля 1996 года, в Центре занятости Воркуты состоит на учете 4 090 человек, из них 1 430 - бывшие работники объединения «Воркутауголь». Всего с закрываемых шахт ОВУ состоят на учете в Центре занятости 113 человек, и только 66 поставлены на учет в связи с увольнением по ликвидации предприятия // «Информация о положении на рынке труда г. Воркуты», справка Управления по делам занятости и диверсификации производства компании «Росуголь».

¹³ Интервью с Дмитрием Сигаревым, директором Воркутинского центра занятости (14 марта 1994 года).

¹⁴ Упрощенный вариант, когда работники просто «делают» себе больничный. Мало кто хочет оставаться в Воркуте в течение лета, все стараются уехать любыми доступными способами.

¹⁵ На профсоюзной конференции, прошедшей на шахте «Абашевская» (Южный Кузбасс) весной 1995 года, назывались следующие цифры: подготовка квалифицированного рабочего стоит 50 млн. руб., мастера и начальника участка - 100-150 млн. руб.